

Скиталец

Огарки

Оригинал здесь: [Книжная полка Лукьяна Поворотова](#).

I

Это было в холерный год на Волге. Лето стояло сухое, удушливо-знойное. Волга обмелела, похудела, обнажила отмели и желтые косы свои, а жигулевские леса все время горели от засухи. В горячем безоблачном небе стояла какая-то странная оранжевая мгла, и злоеющее солнце светило сквозь нее красным шаром, словно раскаленное железо. А ночью весь далекий хребет лесистых гор за Волгой освещался тихим, спокойным заревом пожаров, и было что-то жуткое в их неугасающем свете, в их медленности, постоянстве и бледном, скромном спокойствии.

Весь город обнимала непривычная, многозначительная тишина. Этот прежде шумный, безалаберный город, где всегда на улицах было много пьяных, а местное население оглашало воздух визгом гармоники, бранью и воинственными криками уличной драки, - этот типично волжский город вдруг притих, отрезвел и задумался.

Трактиры пустовали, не слышно стало музыки, ругани и песен, на улицах и на пристани замерло движение. Пассажирские пароходы по-прежнему совершали свои рейсы, но все чаще и чаще подходили к пристани с желтым флагом, означавшим, что на пароходе не все благополучно, что на нем едет страшная гостья, чье имя все, как бы по уговору, избегали произносить.

А "она" давно уже работала в городе. Работала усердно, правильно, переходя из дома в дом; нажравшись в одном квартале, оставляла его в покое и переходила в соседний, свежий, пировала там и неуклонно шла вперед, от одного края города к другому.

И в том квартале города, где появлялась она на неделю, каждый день и каждую ночь слышался вой и плач по умершим, а из домов выносили гробы. Были такие дома, в которых никого уже не оставалось в живых, и они стояли тихие, опустошенные, с раскрытыми дверями и окнами.

Каждый день по дороге на холерное кладбище несколько раз проезжали длинные огромные дроги, запряженные парой лошадей и нагруженные, как дровами, целым возом черных гробов, а на верху этого воза сидел возница, мужичонко в рваном полушубке, крутил вожжами в воздухе и погонял своих кляч. Этот Харон был всегда немножко выпивши, добродушно улыбался и, давно уже привыкнув к своему делу, кощунственно мурлыкал беспечную песню.

А по городу ходили невнятные, глухие, но чудовищные слухи о воскресающих мертвецах, о заживо похороненных, о докторях, пускающих заразу, о бунте и убийствах, о виселицах и повешенных людях.

На столбах и заборах города белели длинные афиши, а на них большими черными буквами что-то кому-то приказывалось, опять упоминалось о бунте, о черни и стояла старинно-откровенная угроза "вешать".

Казалось, что весь воздух был насыщен опасностью и смертью.

И все жили под страхом этой смерти.

Люди, за минуту перед тем здоровые, падали прямо на улице, на дороге и умирали, извиваясь винтом в мучительных судорогах.

Полупьяный возница мертвых, казавшийся всем отвратительным сновидением, каждый день проезжал по городу, сидя на верху своего страшного воза, крутил вожжами в воздухе, торопливо погонял лошадей, гнусаво, скверно пел и смеялся...

А "она" шла и жрала людей...

Солнце злоеющим красным шаром светило сквозь оранжевый дымный туман.

Ночью бледно и ровно пылали далекие лесные пожары.

В городе было неестественно тихо и жутко...

В нем пировала холера.

В это время весело поживали на свете "огарки". Так их прозвали в городе, и в слове этом заключалось брезгливое пренебрежение, и оно пристало к ним.

Их было целое братство: Илья Толстый, выгнанный из всех русских университетов, его ближайший товарищ Сашка, тоже выгнанный из Петровской академии, некто Новгородец, родом из великого Новгорода, человек, служивший писцом во всех министерствах, певчий Северовостоков, выгнанный из шестого класса духовной семинарии с единицей поведения, слесарь Михельсон, сосланный на